

*П.А. Даценко**

**ОБРАЗ РОССИИ И РУССКИХ В МЕМУАРАХ
НЕМЕЦКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ВЕЛИКОЙ АРМИИ 1812 ГОДА¹**

История вторжения Наполеона в Россию является неиссякаемым источником сюжетов для исследований. Многие поколения ученых вновь и вновь обращаются к этой теме, задаваясь всё новыми вопросами, рассматривая ее в разных аспектах и исследуя ее различные стороны. От изучения войны 1812 года как события глобального масштаба и рассмотрения хода собственно военных действий современная историография постепенно переходит к изучению более узких вопросов, одним из которых является образ врага и вражеского государства в умах рядовых участников войны – простых солдат и младших офицеров.

За последние два десятилетия число работ по данному сюжету заметно выросло². Однако в основном он исследовался применительно к французским военнослужащим наполеоновской армии. А ведь не стоит забывать, что Великая армия Наполеона, вторгшаяся в Россию, была «двунадесяти языков»: в ее состав входили и немцы, и голландцы, и итальянцы, и поляки и представители других народов³. У них тоже сформировался определенный образ России и русских, который также заслуживает изучения. В данной работе и будет предпринята попытка реконструировать образ России и русских на основе воспоминаний ряда немецких военнослужащих, принимавших участие в «русской кампании» 1812 г.

* Павел Александрович Даценко, студент исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 8546.

² См., например: *Земцов В.Н.* Россия и русские глазами французов в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы X Всероссийской научной конференции, Бородино, 3–5 сентября 2001 г. М., 2002; *Рей М.-П.* Россия и русские глазами пленных французов в 1812г.: компаративное исследование // ФЕ 2012. М., 2012; *Промыслов В.Н.* Россия глазами французов в 1812 г. (по письмам солдат Великой армии) // 1812 год. Люди и события великой эпохи: Материалы Международной научной конференции. Москва, 21-22 апреля 2011 года. М., 2011.

³ О составе Великой армии в 1812 году см., например: *Турусов В. П.* Великая армия в 1812 г.: организация и управление // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов. Т. 2. М., 2003.

Немцы составляли в Великой армии второй по численности контингент после французского⁴. Они служили в подразделениях многочисленных немецких государств Рейнского союза, в саксонском корпусе, во вспомогательных австрийском и немецком корпусах, да и в собственно французских частях. Однако наиболее глубокие и эмоционально окрашенные представления о России и русских могли, по нашему мнению, возникнуть прежде всего у тех немецких военнослужащих, которые достаточно далеко углубились со своими частями в русскую территорию, и тем более у тех, кто оказался в плену. В силу данного обстоятельства из поля нашего зрения выпадают военнослужащие прусских войск, стоявших под Ригой, и австрийских войск, не отходивших далеко от границы.

Основным источником по реконструкции образа другой страны, существовавшего у иноземцев, чаще всего являются тексты личного происхождения – мемуары, дневники, письма. Отбор источников для настоящего исследования производился по нескольким параметрам. Во-первых, по длительности пребывания их авторов в России: предпочтение отдавалось тем, кто пробыл в России весь 1812 г. и даже больше, если попал в плен⁵. Во-вторых – по тому, насколько далеко в Россию зашел автор того или иного источника, поскольку военнослужащие, не продвинувшиеся дальше прибалтийских или западно-белорусских губерний Российской империи, вряд ли могли составить впечатление о России в целом и тем более о русских – им просто не хватало для этого наблюдений. И наконец, в-третьих, мы старались подобрать тексты, созданные выходцами из разных немецких государств, причем теми, кто не принадлежал к высшему командному составу: солдаты и младшие офицеры в плену содержались иначе, нежели генералитет, а потому их впечатления основывались на более тесном контакте с повседневной жизнью русских людей.

По этим параметрам нами были выбраны четыре источника: «походный дневник» врача Г. фон Рооса (этот текст составлялся уже после окончания кампании и по жанру является скорее мемуарами, чем дневником),

⁴ Численность войск только контингентов Рейнского союза в составе Великой армии примерно определена П. Хольцхаузенем в 115 000 человек (без учета австрийского и прусского корпусов, отдельных немецких подразделений – полков, батарей и т. п. – в составе других частей Великой армии, а также этнических немцев, служивших во французских частях), то есть около 1/5 всей численности Великой Армии. *Holzhausen P. Die Deutschen in Russland 1812. В., 1912. S. XXIV–XXXI.*

⁵ О жизни и быте немецких военнослужащих в плену см. например: *Шмидт В. Судьба баварских военнопленных в России в 1812–1814 гг. //185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997.*

воспоминания трубача 2-го карабинерского полка К. Шееля, мемуары саксонского офицера капитана фон Линдемана и брауншвейгского пастора Иоганна Готтлиба (по другой версии Генриха Готтлиба⁶) Хаарса.

Сразу отметим, что опыт непосредственного общения с русскими, нашедший отражение в указанных текстах, с большой долей вероятности стал для указанных авторов именно результатом их участия в войне 1812 г. Немцы – жители государств Рейнского союза – в большинстве своем никогда не бывали непосредственно в России и не имели личного опыта знакомства с ней. Их основной источник информации об этой стране – либо официальная пресса, либо рассказы отдельных людей, посетивших Россию, либо встречи с русскими путешественниками. В нашем случае авторы мемуаров о подобных встречах не упоминают. Шеель до войны жил в своем городе Крефельде и, судя по его воспоминаниям, не сталкивался ни с русскими путешественниками, ни с немцами, посетившими Россию, а в 1812 г. добровольно поступил на французскую службу в качестве второго трубача 7-й роты 2-го полка карабинеров. Хаарс проживал в Брауншвейге, работал продавцом в винной лавке и в 1812 г. был зачислен фурьером (унтер-офицерская должность) в 4-й вестфальский линейный полк. Генрих фон Роос находился на военной службе с 1805 г., участвовал в кампаниях 1805–1809 гг., из чего можно предположить, что он уже мог сталкиваться с русскими, но в его мемуарах об этом нет ни слова. Биографию капитана фон Линдемана до участия в походе 1812 г. нам найти пока не удалось, а в его мемуарах также нет ни слова о каких-либо контактах с русскими в предшествующий период – текст их начинается сразу с описания сражения при Гродечно.

Впечатления наших героев от России можно условно разделить по трем аспектам: природа, люди и повседневная жизнь. В таком порядке мы их и рассмотрим.

⁶ Согласно комментарию к тексту мемуаров, автор родился в 1790 г. в семье пастора, умер в 1841 г. и у него была сестра. Однако согласно информационной базе genealogy.net Иоганн Готтлиб Хаарс жил существенно раньше, в 1753–1816 гг. Автором же мемуаров, по всей видимости, является его сын Генрих Готтлиб Хаарс (Heinrich Ernst Gottlieb Christian Haars). Он подходит по датам жизни, он, как и Иоганн Готтлиб, пастор, и у него была сестра Иоганна Доротея Хаарс (<http://www.online-ofb.de/famreport.php?ofb=schoeppenstedt&ID=I17395>). В этой базе данных имеется также вторая карточка на этого же человека под именем Кристиан Готтлиб Хаарс, где содержится дополнительная информация, которая еще больше убеждает, что именно он – автор этих воспоминаний (<http://www.online-ofb.de/famreport.php?ofb=mascherode&ID=I4769>).

Война с природой

Летний период похода Великой армии описан в мемуарах Г. Рооса и К. Шееля. Они служили в соседних дивизиях⁷, шедших рядом, и должны были видеть в целом одну и ту же картину.

Среди многих солдат Великой армии был распространено стереотипное представление, что Россия – это северный край, где господствуют два русских генерала: Голод и Мороз. Хаарс упоминает в своих мемуарах, что Россия ассоциировалась у его однополчан с холодным севером. Описывая настроения в своем полку во время марша к границам России, он отмечает, что мало кому хотелось идти в эту страну, и сравнивает «ледяной север» с «приветливыми и кровавыми равнинами Испании» (*Spaniens freundliche und blutige Gefilde*)⁸, из которой полк вернулся перед отправкой на Восток. К тому же еще и баварские солдаты, проходившие мимо их лагеря в Тильзите, распевали «веселые» песни о генералах Голоде и Морозе, которые погубят армию и весь ее состав⁹. О том же немецких солдат предупреждали и жители Польши. Роос упоминает о разговорах вначале со старым пастором близ Кунерсдорфа, а затем со старым настоятелем монастыря у Вроцлавека. Оба старика предсказывали Роосу, что русские заманят наполеоновскую армию в свои холодные земли и затем, когда та ослабнет в борьбе с холодом и голодом, начнут настоящую войну¹⁰.

Шеель имел схожую беседу с профессором в Веймаре, который удивлялся готовности немецкого юноши идти «в пустынные негостеприимные степи огромной Российской империи, пугающую картину климата, населения, обычаев и особенного религиозного фанатизма которой он мне нарисовал»¹¹. Тем не менее Шеель вспоминает, что и сам он, и весь его полк испытывали воодушевление и выражали уверенность в скорой победе. Вообще Шеель достаточно смутно представлял себе цели похо-

⁷ Полк Шееля входил в состав 2-й тяжелой кавалерийской дивизии, полк Рооса – 4-й легкой кавалерийской дивизии.

⁸ *Haars. J.G. Ein Braunschweiger in Russischen Feldzuge von 1812. Braunschweig, 1897. S. 2.* Возможно, столь странное сочетание эпитетов при характеристике равнин Испании – результат опечатки, так как в немецком языке написание слова *freundlich* (приветливый, дружественный) схоже с написанием гораздо более подходящего в данном случае прилагательного *feindlich* (враждебный).

⁹ *Ibid. S. 9.*

¹⁰ *Roos H.U.L. Ein Jahr aus meinem Leben, oder Reise von den westlichen Ufern der Donau an die Nara, südlich von Moskwa, und zurück an die Beresina mit der großen Armee Napoleons, im Jahre 1812. St. Petersburg, 1832. S. 12–13.* См. также: *Роос Г. С Наполеоном в Россию. М., 2003. С. 13–14.* Далее ссылки на страницы русского перевода даются в скобках. Если в сноске будет указана страница только немецкого издания, значит, фрагмент в указанном переводе отсутствует.

¹¹ *Schehl K. Mit der großen Armee 1812 von Krefeld nach Moskau. Düsseldorf, 1912. S. 34.*

да, всецело полагаясь в этих вопросах на мудрость и гений генералов и лично Наполеона. Он видел в предстоявшем походе прелюдию к очередному триумфу императора, в симпатии которому не раз признается¹². И в дальнейшем он ни разу не обвинит лично Наполеона в том ужасном положении, в каком оказалась Великая армия осенью 1812 г.

Полк, в котором служил Хаарс, выступил на восток в конце марта, к 8 апреля прибыл в Брауншвейг, но 20 июня был отделен от основных сил 8-го, вестфальского, корпуса Великой армии и оставлен в Штральзунде. Он получил приказ двинуться в Россию лишь в октябре 1812 г., когда Наполеон уже отступал на запад, а потому полк подходил к границе с нарастающим чувством тревоги. Судя по всему, о положении наполеоновских войск в России Хаарс знал мало и считал, что их полк направлен туда, чтобы усилить для нового наступления армию, «стоящую на азиатских границах»¹³. В Кенигсберге они встретились с маркитантами, вернувшись из России, и расспросили их о русских. Не написав, что же конкретно он услышал от маркитантов (подчеркивалось лишь, что их сведения в корне и не в лучшую сторону отличались от его прежних представлений), Хаарс тем не менее не был склонен им верить, сочтя маркитантов «трусами и неженками, которые очень легко впадают в уныние, если испытывают малейший недостаток и нагрузку»¹⁴.

* * *

Полк Шееля, по его словам, почувствовал неудобства почти сразу после перехода Немана. В первую же ночь они попали под сильный дождь. Шеель вспоминает, что услышанный им тогда гром был «самым мощным, который я когда-либо только слышал в своей жизни»¹⁵. Ночь выдалась жутко холодной, отчего на следующий день умерло много лошадей. Из-за этого пришлось бросить обоз. Это был первый, но далеко не последний из ударов природы, который немецким солдатам предстояло испытать в России.

У Рооса начало похода вызвало другие эмоции. Он отмечает, что перейдя Неман, они оказались в куда лучших условиях, чем во время марша

¹² Например, став свидетелем гибели эскадрона польских улан, пытавшихся по приказу Наполеона перейти вброд бурную реку, Шеель восхищается их преданностью и пишет, что и сам был готов смертью доказать свое уважение императору. – *Ibid.* S. 40–41.

¹³ Это выражение Хаарс употребит, описывая недовольство, которое выказали его сослуживцы, получив после уже почти месячного пребывания в России приказ о прорыве 6-го баварского корпуса, к которому тогда был прикомандирован их полк, на соединение с Великой армией. Они сочли, что им предстоит продвижение вглубь России. – *Haars J.G.* Op. cit. S. 19.

¹⁴ *Ibid.* S. 6.

¹⁵ *Schehl K.* Op. cit. S. 39.

через Польшу: «Мы сразу попали на хорошую военную дорогу, и первые встретившиеся нам дома имели очень милый вид. Мы увидели больше порядка в расстановке верстовых столбов и шлагбаумов и показателей пути, чем это было в Польше [...] словом, первые впечатления заставили нас изменить к лучшему наше предварительное мнение»¹⁶.

Однако первые, в целом приятные, впечатления довольно скоро сменились растущими тяготами. Из-за огромной массы войск и плохой пропускной способности дорог транспорты с продовольствием и медикаментами стали отставать от авангарда армии, солдаты которого вскоре стали испытывать голод и ухудшение самочувствия.

Очень быстро войскам пришлось столкнуться с трудностями долгого похода: усталость, накопившаяся день ото дня; жажда, которую утоляли из озер, ручьев и прудов сырой водой, вызывавшей у солдат и офицеров диарею и колики; голод, от которого особенно страдали и умирали лошади; частые проливные дожди. Днем солдат мучила жара, ночью они мерзли, из-за чего многие простужались. Вскоре болота и леса Западной Белоруссии, в которых также было потеряно немало лошадей и повозок, сменились просторами и полями. Расстояния, преодолевавшиеся войсками, казались просто огромными. Одной из причин этого было отсутствие с определенного момента верстовых столбов: по словам Шееля, русские срубали их, чтобы помешать врагу ориентироваться¹⁷.

При сравнении впечатлений от дороги на Москву можно заметить, что Роос и Шеель описывают ее по-разному: первый пишет о хорошем состоянии дорог, о богатых и плодородных местностях, второй же рисует картину опустошенной и вымершей земли. Чтобы объяснить эту разницу, следует учитывать то обстоятельство, что полк Рооса шел в авангарде, а полк Шееля отставал от него на один-два дневных перехода¹⁸. Если Роос видел еще нетронутые деревни, плодородные поля, то глазам Шееля представала уже иная картина – опустошенные и сожженные селения, через которые ранее прошел авангард Великой армии. О пожарах в деревнях Роос пишет, что они происходили из-за спешки французских солдат¹⁹. Видя столь ужасную картину, Шеель был склонен винить во всех этих разрушениях не авангард Великой армии, а отступающие рус-

¹⁶ *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 20 (C. 24).

¹⁷ *Schehl K.* Op. cit. S. 49.

¹⁸ *Ibid.* S. 47.

¹⁹ Вокруг домов вдоль дороги было разбросано много соломы; став лагерем у очередной деревни, солдаты разжигали костры, а затем, резко снимаясь с места, не успевали их потушить, отчего деревня быстро загоралась. Этим Роос пытается снять с наполеоновских солдат обвинение в умышленных поджогах. – *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 83 (C. 44).

ские войска. Разница в положении авангарда и тылов Великой армии не раз подчеркивалась Роосом, и чем дольше продолжался марш, тем больше она ощущалась.

Стоит также оговорить, что ни Шеель, ни Роос не отождествляют переход Немана со вступлением собственно в Россию. Шеель называет территорию почти до Смоленска «бывшей Польшей», Роос не считает встречавшихся на пути гражданских лиц русскими, а своей первой встречей с русскими называет стычку с казаками. В разведку посылались преимущественно люди, знавшие польский язык. Сама Россия началась для авторов мемуаров лишь где-то под Смоленском²⁰. Шеель пишет, что, пройдя Смоленск, «мы оказались уже непосредственно в России»²¹. И если раньше деревни стояли разоренными либо просто брошенными, то с этого момента им на пути стали попадаться лишь выжженные села – иной картины до самого своего пленения он уже не увидит.

Под Полоцком унтер-офицер, посланный командиром полка Рооса на поиски еды, по возвращении доложил, что здесь «...приходит конец таким местам, где население за нас; дальше люди становятся другими. Все против нас; все готовы либо защищаться, либо бежать; везде меня встречали неприязненно, упреками и бранью. Никто ничего не хотел давать; мне приходилось брать самому, насильно и с риском, меня отпускали с угрозами и проклятиями. Мужики были вооружены пиками, многие на конях; бабы были готовы к бегству и ругали нас так же, как и мужики. Верховые разъезжают от места до места, сообщают о том, что делается; есть у них доски для подачи сигнала, а распоряжаются ими помещики»²².

Марш по русским просторам сопровождался подчас ужасными картинами, которые представляли взору солдат. В первую очередь это была угнетающая картина брошенных и опустошенных сел и маленьких городков, жители которых либо уходили вместе с отступавшими русскими войсками, либо запирались у себя. Причем опять же, поскольку Роос шел в авангарде, ему еще встречались какие-то жители, но к подходу полка Шееля они уже успевали убежать или спрятаться. Все съестное они либо забирали, либо уничтожали, поэтому наполеоновские солдаты испытывали постоянную нехватку в провизии и фураже, и эта нехватка вынуждала их порой идти на различного рода ухищрения. Шеель вспоминал, что ему удавалось раздобыть в некоторых домах остатки муки из дере-

²⁰ Что вполне справедливо, поскольку граница России отодвинулась от Смоленска на запад лишь в 1772 г.

²¹ *Schehl K.* Op. cit. S. 46.

²² *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 61–62 (С. 35–36).

вянных емкостей; он ее буквально соскребал со стенок и варил из нее наполоам с опилками нечто вроде жидкого мучного супа, и это считалось большой удачей – в других частях, по его словам, дела с провизией обстояли еще хуже и солдаты других полков даже, случалось, одалживали у него немного такой похлебки²³.

Мрачную картину пустых земель дополняли и попадавшие им по пути следы деятельности уже ранее прошедших здесь войск. Шеель вспоминает об увиденных им на пути трупах французских и итальянских солдат, расстрелянных за грабежи и мародерство. Сперва это ужасало его, но вскоре он, привыкнув к виду мертвых тел, перестал уделять им внимания больше, чем другим насущным проблемам – жаре, нехватке продовольствия и т. п.

Роос стал свидетелем того, как приговоренные к смерти за мародерство солдаты копали себе могилы. Он также отмечал, что немецкие войска на его памяти не предавались грабежу и что в основном этим занимались итальянские солдаты и по некоторым слухам французские.

Солдатам не удавалось задержаться ни в одном городе надолго – стремление нагнать постоянно отступающую русскую армию заставляло полки совершать один марш за другим. Это ухудшало и без того плачевную ситуацию со снабжением, а солдаты и лошади не успевали отдохнуть.

В начале августа, когда установилась жара, наполеоновские войска подходили к Смоленску. Тогда же Роос узнал о том, в каком состоянии находятся тылы: они в куда большей степени страдали от тех проблем, которые испытывал авангард. Им не хватало продовольствия, поскольку все сметали передовые части. Высокая смертность, нарушение дисциплины, разрушения, пожары – вот далеко не полный перечень бедствий, захвативших тылы Великой армии.

Если Роос часто пишет о стычках, а впоследствии уже и о сражениях с русскими (преимущественно с казаками, например, в деле при Инкове), то первым сражением, свидетелем которого стал Шеель, было Смоленское. Оно произвело на него сильное впечатление, особенно картина обстрела города. Обстрел Смоленска, не прекращавшийся даже ночью, превратил его в сплошной пожар, который вместе с огнями русских лагерных костров, заполнивших левый берег Днепра, вызывал у Шееля ощущение пугающего величия происходившего. На следующее утро, 8/20 августа, когда наполеоновские солдаты переправились на левый берег, Шееля ужаснули картины домов, сгоревших дотла вместе с обита-

²³ Schehl K. Op. cit. S. 43–44.

шими в них людьми. Роос же не наблюдал сражения непосредственно, но лишь видел ночью огни горящего города, а днем – столбы дыма.

После Смоленска враг вновь исчез из поля зрения солдат Великой армии, и пришлось им опять воевать исключительно с природой и расстояниями. Шеель пишет, что в те дни стояла жуткая жара, с дорог поднималась и уже не оседала пыль, из-за которой форма солдат вскоре почти потеряла цвет и разные части перестали отличаться друг от друга. Войска страдали от жажды, но воды не хватало, и лошади продолжали умирать.

Роос отмечал, что местность между Могилевом и Смоленском чрезвычайно богата и плодородна, много фруктовых садов, прекрасное скотоводство²⁴. После же Смоленска он наблюдал в основном опустошенную территорию да разрушенные города и села. Хлеб на полях, пишет он, по мере возможностей сжигался казаками. Даже в местностях, лежавших далеко от дороги, Роос уже не встречал местных жителей, покинувших свои дома. Поход стал принимать вид опустошительного нашествия.

Войска, догонявшие основные силы Великой армии, смешались в маленькие группы, двигавшиеся к Москве, которая, по словам Рооса, виделась им спасительной целью их похода, местом, где они получают довольствие, фуража, лекарств и т. д.

Все эти впечатления вкупе с тяжелыми условиями, жарой, непониманием ни целей похода, ни необходимости его продолжения оказывали деморализующее воздействие на солдат. По свидетельствам Шееля, армия постепенно принимала совершенно неприглядный вид: солдаты переставали мыться и заботиться о чистоте одежды, поскольку это был Сизифов труд. Ко всем мелким бедам добавилась новая – паразиты (*weisse schwarz gesattelte Blutsauger* – вероятно, речь идет о вшах или блохах). Шеель пишет, что солдаты таскали на себе целые «маленькие армии» кровососов. Причем даже эту беду автор наделяет русским колоритом – это были не просто паразиты, а очень большие паразиты, крупнее, чем в Европе, и обитали они в этой стране в огромных количествах. Упоминает он в связи с этим и довольно оригинальный способ борьбы с ними – скручивать одежду в длинную веревку и, пронося ее над костром, дать ей раскрутиться, чтобы все кровососы попадали в огонь²⁵.

Роос, описывая встречу с догоняющими армию солдатами, отмечает их нелепый вид: кирасиров верхом на крохотных лошадках, а то и просто идущих пешком, солдат, нагруженных совершенно ненужной добычей.

²⁴ *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 76–77 (С. 41).

²⁵ *Schehl K.* Op. cit. S. 47.

Догнав Великую армию накануне Бородинского сражения, Роос с удивлением узнал, что несмотря на победоносное продвижение Наполеона через Вязьму, многие полки после Смоленского сражения сократились до размеров батальонов²⁶. Таким образом, за два месяца похода Великая армия успела изрядно поредеть, не проведя почти ни одного крупного сражения.

Бородинское сражение стало для всех солдат Великой армии долгожданным шансом наконец-то принять участие в сражении, которое многие после казавшегося уже бесконечным марша по России восприняли с радостью, надеясь победоносно им закончить поход. Роос как врач не участвовал непосредственно в сражении, а наблюдал его из полевого лазарета, куда поступало огромное количество раненых как с французской, так и с русской стороны. Шеель успел принять короткое участие в атаке карабинеров на батарею Раевского, однако его лошадь была убита почти в самом начале атаки, что, возможно, сохранило ему жизнь, и в захвате самой батареи он не участвовал.

После Бородинского сражения противостояние с русскими солдатами опять окончилось. Шеель замечает, что на дорогах не было видно даже раненных или убитых русских солдат, и предположил, что русские, видимо, унесли их в лес. Отсутствие же брошенных повозок и орудий он объяснял манией русских уничтожить все при отступлении. Ожидавшегося всеми нового сражения не произошло, и Великая армия вступила в Можайск. Шееля, уверовавшего в беспощадное уничтожение русскими своих сел, поразило то, что город оказал цел и невредим, что он потом объяснил оставшимся в городе большим количеством раненых русских солдат. Но вскоре после вступления наполеоновских войск в город по нему был открыт огонь, который поджег дома, в том числе с тяжелоранеными²⁷. Этот факт, похоже, вовсе не удивил Шееля.

В окрестностях Можайска Роос вновь увидел прекрасные и плодородные поля и отлично сохранившиеся имения. Казаки, по его словам, пытались сжечь сено и солому, но наступавшие наполеоновские войска спугивали их, не давая завершить работу. Дорога была в прекрасном состоянии, однако далеко вперед им не давали продвинуться русские пушки, ведшие постоянный огонь. По пути стали попадаться лошадиные головы. Это Роос объяснял тем, что здесь прошли башкиры, «которые едят только конину»²⁸.

²⁶ *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 84 (C. 45).

²⁷ *Schehl K.* Op. cit. S. 48.

²⁸ *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 112 (C. 57).

К тому времени, когда Великая армия заняла Москву, установилась прохладная погода, пошли дожди, температура постепенно падала.

Во время московского пожара полк Шееля находился в городе, но по мере распространения огня переместился оттуда на Калужскую дорогу и стоял там до 17 октября. Полк Рооса в это время шел по Калужской дороге к Подольску.

Местность восточнее Москвы вновь предстала Роосу богатейшим и плодороднейшим краем; они почти не встречали местных жителей, которые также ушли на восток. Погода начала портиться. Ночь с 25 на 26 сентября Роос вспоминает как самую тяжелую с начала войны. В это же время его полк снова начали почти непрерывно атаковать казачьи части. А 17 октября полк Шееля впервые после Бородина вступил в бой²⁹. В этом бою Шеель потерял своих, а когда вновь нашел однопольчан, был поражен их малочисленностью.

Полк Рооса вступил в бой уже сильно ослабленным – ухудшившаяся погода, постоянные нападения партизан и казаков и все более скудная фуражировка привели к потере половины лошадей. Находясь под впечатлением от боя и того состояния, в котором остатки его полка отходили к Москве, Роос заключает, что с 18 октября наступлению пришел конец и дальше будет только отступление³⁰. С этого момента Роос начинает в полном объеме испытывать все те трудности, которые в мемуарах связываются с главным бедствием Великой армии в 1812 году – отступлением из России.

И вот примерно в это время в Россию со своим полком вступил Хаарс. Он находил картину опустошенных сел еще более жуткой, чем она казалась участникам летнего наступления: теперь она внушала солдатам страх перед внезапным нападением, поскольку они полагали, что крестьяне не ушли далеко, а сидят в соседних лесах. Солдаты не спали по ночам, боясь, что из лесов вот-вот выскочат крестьяне и перебьют их всех³¹. Описывая один из своих первых ночлегов на русской территории (недалеко от Тильзита), он упоминает случай, когда один сержант, испугавшись брошенной кем-то из солдат бутылки, забил тревогу, из-за чего поднялась страшная суматоха, в которой солдаты чуть не перекололи друг друга в темноте, приняв за убийц³².

О поиске чего-либо съестного в крестьянских избах речи уже не шло. Правда, и снабжение их полка было в общем-то не самым плохим.

²⁹ Речь идет о бое при Винково 17–18 октября 1812 г.

³⁰ Ibid. S. 161 (C. 77).

³¹ Haars J.G. Op. cit. S. 9–10.

³² Ibid. S. 10–11.

Хаарс вспоминает, что нехватка хлеба начиналась тогда, когда им на пути стали попадаться раненные и больные солдаты, шедшие с востока и умолявшие поделиться с ними куском хлеба. Однополчане Хаарса делились, почти не скрывая, впрочем, при этом своего недовольства. Удручающая картина множества раненых и больных, бредущих на запад, пугала солдат, показывая им их будущую участь и вызывая у них отчаяние.

Во время перехода до Вильны они не встретили ни одного русского или местного жителя, между которыми Хаарс не делает различий, называя их всех крестьянами или мужиками. В основном им попадались отступавшие военнослужащие, а затем несколько отрядов баварских дезертиров.

Холода и суровая погода выкашивали одного за другим солдат в полку Хаарса. У многих из оставшихся были обморожены ноги и руки, так как все теплые вещи были выброшены, чтобы облегчить движение на марше³³. К тому же от обморожения у людей начали распухать тела. Особое негодование Хаарса вызывает тот факт, что полевая аптека в столь суровое время была отправлена обратно в Штеттин³⁴.

Влияние природы и климата России на наполеоновских солдат часто считается дополнительным фактором поражения Великой армии, а иногда и вовсе главной причиной. Однако, как мы видим, в мемуарах это отражено достаточно по-разному. Можно считать, что война с природой воспринималась солдатами как неизбежная трудность долгого похода, но отнюдь не как проявление чего-то типично русского и не встречавшегося им ранее. Пожалуй, лишь Шеель был склонен уделять этому большое внимание, но это легко объяснить тем, что это был его первый военный поход.

Встречи с русскими людьми

После пересечения российской границы солдаты наполеоновской армии ожидали скорой встречи с врагом. Однако русские войска начали отступление, и единственное, что от них оставалось – это следы прохода большой массы войск, иногда трупы (Роос пишет, что их из-за непонятного обмундирования первое время причисляли к башкирам) и полупустые села и города.

Первая встреча с жителями России произошла у наших авторов в разное время. Роос упоминает контакты с крестьянами уже по дороге в

³³ Ibid. S. 12.

³⁴ Ibid. S. 18.

Вильну и в самом городе. Городские власти, по его словам, не проявляли никакой враждебности, а даже наоборот, вели себя так, будто рады появлению наполеоновской армии³⁵.

Немецкие мемуаристы (кроме, пожалуй, Шееля) были склонны выделять из общей массы местных жителей евреев, к которым очевидно не испытывали симпатий, снабжая их эпитетом «грязные». Проходя через Полоцк, Роос отмечает, что лишь евреи остались в городе. Находясь в разъезде, Роос отмечает, что после Рудни им уже не попадались городки, населенные евреями³⁶. Линдемман с неудовольствием описывает еврейский дом, в котором они некоторое время располагались, вспоминая в частности ужасный запах чеснока³⁷. Однако впоследствии он с огромным интересом наблюдал еврейскую свадьбу в Кореце³⁸.

Шеель также упоминает о встречах с местными жителями еще до Вильны. Отмечая, что страна слабо заселена, он положительно отзывается о ее обитателях, говоря, что они при всей своей бедности охотно делились с солдатами тем немногим, что у них было. «Местные жители, поляки, литовцы и ливонцы, просто оставляли свои дома прежде, чем мы подходили; однако они их не поджигали, как впоследствии делали все русские»³⁹.

Первая встреча с русскими солдатами у Рооса произошла после того, как они выступили из Вильны. Это были две небольших стычки с отрядами казаков в красном обмундировании, один казак попал в плен⁴⁰. Вскоре Роос получил опыт непосредственного контакта с русскими, когда во время боя у Дисны среди раненых к нему поступили и русские солдаты. В частности, он пишет о четырех казаках, раненных в голову; он собирался перевязать их, для чего попросил сесть, но они сели по-своему, на корточках, и лишь тогда позволили их перевязать⁴¹.

Во время марша на Витебск Роос упоминает встречу с крестьянами, стоявшими по подбородок в воде Западной Двины, указывая солдатам, где лучше переходить реку⁴².

Последним доброжелательным местным жителем, которого упоминает Роос, был мелкий дворянин под Полоцком, который радушно при-

³⁵ *Roos H.U.L.* Op. cit. S.29 (C. 26).

³⁶ *Ibid.* S. 56 (C. 33).

³⁷ *Lindeman F.L.* Meine Gefangenschaft in Rußland in den Jahren 1812 und 1813; ein Blick in Rußlands Größe und Herrlichkeit. Ronnenburg, 1833. S. 15–16.

³⁸ Город к востоку от Ровно.

³⁹ *Schehl K.* Op. cit. S. 43.

⁴⁰ *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 30–31 (C. 23)

⁴¹ *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 35.

⁴² *Ibid.* S. 49 (C. 31).

нял их и снабдил всем необходимым. В Полоцке же, пишет Роос, они «впервые оказались врагами, напугавшими жителей этого [...] города, где, кроме евреев, обывателей почти не было видно»⁴³.

Недалеко от Смоленска Роос и еще несколько человек из его полка были отправлены на поиск припасов в стороне от дороги. Здесь они увидели селян, занимавшихся уборкой хлеба, причем чем дальше от дороги, тем меньше внимания они обращали на вюртембержцев. Однако в контакт местные жители все равно не вступали, разбегаясь при малейшей попытке немцев обратиться к ним и спросить название села, поэтому впоследствии Роос не смог восстановить свой путь в этой экспедиции за припасами. Из осмотра оставленного русского лагеря он сделал вывод, что у русских с питанием и здоровьем дела обстоят гораздо лучше, нежели у наполеоновской армии⁴⁴.

Смоленское сражение в указанных воспоминаниях выделяется как первое серьезное столкновение с русскими войсками, в котором немецкие солдаты наконец-то столкнулись со своим противником лицом к лицу. И эта встреча не стала для них приятной: Шеель с ужасом вспоминает, как на его глазах посланный в атаку полк баварских шеволежеров вернулся в составе лишь 27 человек, и это не было каким-то исключительным случаем⁴⁵.

Поскольку мемуары писались уже гораздо позже 1812 г., в памяти их авторов неизбежно должно было произойти определенное сглаживание впечатлений от пребывания в России и переосмысление увиденного в свете уже известного им последующего развития событий, а также с учетом новых сведений, почерпнутых из разных источников, да и просто критического взгляда на то время с высоты прошедших лет, когда мысленным взором можно было охватить уже всю картину. Мы видим, однако, что авторы отнеслись к своим воспоминаниям по-разному.

Шеель, например, в своем видении русских остался верен тем стереотипам, которые были распространены как до 1812 г., так и после него. Он приводит вспоминаемые им картины опустошений, пожаров и тягот похода как доказательства жестокости русских и их безграничного фанатизма. Русские у него отличались от других жителей Российской империи в частности тем, что принимали радикальные меры, уничтожая собственные жилища, лишь бы они не достались

⁴³ Ibid. S. 44 (C. 28).

⁴⁴ Ibid. S. 68–69 (C. 39).

⁴⁵ Schehl K. Op. cit. S. 45.

врагу. Констатация этого соседствовала с мыслью о том, что русские непредсказуемы и могут пойти на что угодно для истребления захватчиков.

Возможно, образ русского как жестокого и безжалостного воина укоренился в памяти Шееля из-за того, что он видел картину разрушений, видел сожженные города и села, но при этом не контактировал ни с одним русским солдатом или крестьянином, не говорил с ними и даже не мог их толком рассмотреть. Как часто происходит в подобных случаях, недостаток информации компенсировался воображением. В его памяти плотно засел образ некоего полудикого народа, который пользуется почти азиатскими методами войны, заманивая их в бесконечные русские леса и степи.

Напротив, Роос, находившийся в таких же условиях, как Шеель, но в отличие от него видевший русских воочию, говоривший с ними и даже оперировавший русских солдат, не был подвержен подобным стереотипам. Напротив, он пишет о русском солдате как о стойком и упорном воине, который не дрогнет даже под картечью. К тому же Роос пишет, что в дни после Бородинского сражения между солдатами обеих армий не было какой-то особой ненависти: во время ночных вылазок они не мешали друг другу в поиске припасов. Роос высказывает интересную мысль, что такого спокойного отношения друг к другу не было бы, если б солдаты вели поиски под командой офицеров⁴⁶.

Роос пишет о многочисленных встречах с отступавшими русскими войсками при занятии Великой армией Москвы, о взаимных попытках начать беседу, которые были прерваны подоспевшим русским офицером – солдаты из полка Рооса не испытывали в тот момент никакой враждебности к русским, будучи уверены, что мир вот-вот будет заключен.

Шеель вспоминает, что при вступлении в Москву видел лишь четырех русских – купцов в одежде 4-й гильдии. Он описывает их одежду в деталях, ссылаясь на то, что сам носил такую же во время своей последующей русской службы⁴⁷.

В Москве Шеель нашел вымерший город, который он сравнивает с могилой. Вину за «варварское разрушение Москвы» он уверенно возлагает на русское правительство, при этом удивляясь, почему в мире

⁴⁶ *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 108–109 (С. 55).

⁴⁷ С 1812 по 1814 г. Шеель служил кучером в имении дворян Понговских неподалеку от города Лиозно в Витебской губернии. Туда его определил родственник Понговских полковник Орловский, спасший Шееля из лагеря военнопленных в Москве.

еще считают иначе⁴⁸. Тех немногих москвичей, кто попался ему на глаза во время его вылазок в горящий город – «подозрительно выглядевших, в основном пьяных, мужиков и баб из низших слоев», он называет не иначе как «шайки губернатора Ростопчина» (*die Schwefelbande des Gouverneurs Rostoptschin*), которые помогали огню разгореться⁴⁹. Он также задается вопросом, почему тех жителей, кто остался в Москве, не предупредили о том, что город будет сожжен, и пожар застал их врасплох, причем он сетует в первую очередь на то, что «можно было бы спасти легко переносимые вещи, на общую сумму в миллиарды рублей; эти предметы не были бы поглощены страшным огнем»⁵⁰.

Шеель, уже находясь в лагере на Калужской дороге, увидел очередные свидетельства сопротивления русских иноземному вторжению. Во время очередной вылазки за припасами он набрел на имение, на котором было написано по-французски «Эта усадьба (у Шееля *der Schloß* – замок) принадлежит графу Ростопчину, и он ее собственноручно поджег, чтобы ничего из нее не досталось французским собакам». Его изумляет такой радикальный способ сопротивления. «Какой иной народ, – пишет он, – проявляет такую свирепую жажду разрушений, такой неистовый фанатизм? Триста тысяч жителей по одному приказу губернатора бросили в бешеной спешке все свое имущество и бежали в лес. Они по собственному желанию сделали себя нищими, чтобы ни малейшая часть их имущества не досталась в руки врагу»⁵¹. Роос также видел эту сожженную усадьбу и эту надпись, однако воспринял этот факт гораздо спокойнее.

Хаарс, человек глубоко верующий, также не возлагает вину за свои несчастья конкретно на русских людей. Он в той или иной степени считает это карой Божьей и Божьей же волей объясняет свое везение и возвращение на родину.

С началом отступления солдат Великой армии стал преследовать страх отстать и попасться казакам. Он нарастал по мере продвижения на Запад. Хаарс вспоминает, что выбившихся из сил солдат поднимали

⁴⁸ Долгое время в общественном мнении европейцев пожар Москвы не ассоциировался с какими-либо намеренными действиями с русской стороны. Одним из первых сочинений, открыто обвинявшим Ростопчина и российское правительство в организации пожара Москвы, стали анонимно опубликованные в 1822 г. мемуары врача А.В. Нордгофа, немца по происхождению, жившего в 1812 г. в Москве. Подробнее см.: *Шарф К.* Свидетель и историк войны 1812 г. немецкий врач А.В. Нордгоф и его мемуары о разрушении Москвы // Немцы в России. СПб, 2000. С. 334–352.

⁴⁹ *Schehl K.* Op. cit. S. 61.

⁵⁰ *Ibid.* S. 61.

⁵¹ *Ibid.* S. 65.

угрозами, что скоро здесь будут казаки. Встречавшиеся им на пути крестьяне проявляли к ним смешанные чувства враждебности, жалости и страха, но всегда неизменно просили солдат уходить, повторяя: «Казаки!» Роос вспоминает, как в Смоленске при отступлении остался младший врач, который должен был проследить за передачей наступающим русским войскам 50 раненых, но в итоге сбежал, испугавшись русского плена⁵².

* * *

Полк Хаарса понес огромные потери на марше, не сделав ни одного выстрела. Все участие его в войне свелось к маршам сперва на Вильно, потом на соединение с 6-м баварским корпусом генерала фон Вреде, и затем к маневрированию с целью соединиться с основными силами Великой армии, во время которого Хаарс, отстав от корпуса, был взят в плен. Не в силах терпеть суровый быт и обращение с пленными, он вместе со своим товарищем бежал во время конвоирования и в итоге оказался в католическом монастыре, а его товарищ был убит казаками, бросившимися в погоню. Спустя несколько месяцев Хаарс узнал о приказе об обязательной выдаче всех пленных русским властям. По его словам, «сама мысль об этом вселяла в меня ужас [...] И в центральном городе округа (die Distrikts-Stadt) я снова попал в руки этих столь пугающих меня русских, среди которых я встречал так мало по-настоящему сострадавших мне людей»⁵³. Однако в этот раз условия плена были куда лучше, что слегка умерило в Хаарсе страх перед русскими.

Шеель был взят в плен, когда в составе сводного отряда их дивизии отправился на поиски хлеба и фуража в стороне от дороги. В одном из сел их едва не схватило ополчение, после чего их отряд распался, заблудившись ночью. Шеель и еще несколько кавалеристов набрали на русский лагерь, но спаслись, вышли на дорогу и поняли, что отсечены от основных сил. Вскоре они были настигнуты казаками и взяты в плен.

Роос отступал с Великой армией до самой Березины, становясь во время отступления свидетелем ужасных картин разрушений, сожженных дотла городов, уничтоженных повозок и артиллерии. Французская армия, отступая, придерживалась той же «варварской» тактики, которую до этого проводила отступавшая русская армия.

⁵² *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 212 (C. 102).

⁵³ *Haars J.G.* Op. cit. S. 46.

Быт русских и жизнь среди них

Во время самого похода замечания о быте русских носили у наших авторов эпизодический характер: мемуаристы упоминали лишь об отдельных особенностях и деталях, которые им показались необычными. Так Роос, находясь в Гжатске, обратил внимание на такую особенность быта: цветы на окнах домов стоят внутри, а не снаружи, как в Европе⁵⁴. Шеель приводит беглое описание крестьянских изб, в которых он искал еду.

На выделение авторами тех или иных особенностей российской жизни влиял род их занятий и увлечений. Роос как врач был склонен больше обращать внимание на состояние здоровья людей, на продукты, на разные болезни и ранения, которые ему попадались. Шеель, увлекавшийся коневодством и лошадьми, обращал внимание на особенности русских транспортных средств, писал, в чем их отличия от немецких, разбирал способы езды и управления лошадьми в России и на Рейне. Линдеман же, будучи дворянином и образованным человеком, обращал внимание вообще на все, стараясь описать максимально подробно все увиденное.

Шеель не пишет о том, какое впечатление на него произвели города и села, попадавшиеся на пути, отмечая лишь отдельные особенности (вроде описания русской избы и особенностей ее строительства). Роос же, например, о Витебске пишет, что солдаты были поражены «необычайно живописным видом города Витебска, с его зданиями, церквями и монастырями, окутанными облаками дыма»⁵⁵.

Роос также отмечал особенности поведения русских раненых, поступавших к нему после боев. Выше уже упоминались четверо казаков, которые не давали себя перевязать, пока не сели так, как им было привычно. Также интересен случай с русскими кирасирами, которых Роос перевязывал во время Бородинского сражения. Он вначале принял их за саксонцев, но понял, что это русские, когда они перекрестились перед перевязкой и после нее⁵⁶.

В начале сентября Великая армия подошла к Москве. Роос пишет, что увиденный им город раскинулся «на таком протяжении, какого я еще никогда не видел ни у одного большого города»⁵⁷. Шеель сравнивает Москву с Эльдorado, городом изобилия и долгожданного отдыха. По его словам, Москву окружали поля со спелыми арбузами, которые он срав-

⁵⁴ *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 83 (C. 44).

⁵⁵ *Ibid.* S. 47 (C. 30).

⁵⁶ *Ibid.* S. 95.

⁵⁷ *Ibid.* S. 114 (C. 58).

нивает с капустными полями под Кельном⁵⁸. В Москве он и его однополчане видели конец страданиям и нуждам.

Москва произвела на солдат неизгладимое впечатление. Шеель пишет: «...мое перо бессильно описать все блаженство и ликование, охватившие Великую армию, когда она при прекраснейшей погоде и ярчайшем солнечном свете могла обозреть эту величественнейшую панораму, какую я за всю свою жизнь когда-либо видел перед собой.

Там была Москва, этот огромный, занимавший более двух квадратных миль город с 300 тысячами жителей, 1500 замками и 295 церквями и монастырями (некоторые писатели называют число в 1000 церквей и монастырей и более чем 1600 зеленых, позолоченных и посеребренных куполов и башен), чьи неисчислимые построенные в основном в восточном стиле колокольни придают ему столь импозантный вид. Над всеми возвышаются стоящая на территории Кремля колокольня Ивана Великого со своим богато позолоченным куполом и своим удивительным историческим крестом из самородного золота»⁵⁹.

Шеель и Роос очень подробно описывают Москву. У Шееля: «Дворцы утопали в обнесенных железной изгородью садах, в непосредственной близости – низкие, деревянные, покрытые известью домики, во всех домах и дворцах заперты ворота, двери и окна. Ни одно живое существо нам не встретилось, ни из одной трубы не шел дым, вся Москва, казалось, превратилась в могилу»⁶⁰. И у Рооса: «Медленно, с постоянными поворотами продвигались мы по улицам, в которых наше внимание привлекало множество церквей с их столь чуждой для нас архитектурой, особенно многочисленностью башен и внешним их убранством, а также прекрасные дворцы и окружавшие их сады. Мы проехали через рынок; его деревянные лавки были открыты, товары, разбросанные в беспорядке, валялись и на улице, словно перед нами здесь хозяйничали грабители». И далее: «Порядок в данном месте был восстановлен, и мы продолжили свой путь через величайший из городов, когда-либо виденных мною»⁶¹.

Если полк Рооса был преисполнен воодушевления от ощущения достигнутой цели и витавшего в воздухе мира, то полк Шееля не был склонен к подобным мыслям. Шеель упоминает о пришедшем им к вечеру приказе о расстреле всякого, кто покинет лагерь, и обещании квартир и провианта с фуражом в ближайшее время. Карабинеры изнывали от го-

⁵⁸ Schehl K. Op. cit. S. 57.

⁵⁹ Ibid. S. 56.

⁶⁰ Ibid. S. 57.

⁶¹ Roos H.U.L. Op. cit. S. 117 (C. 59).

лода, посланные за провизией унтер-офицеры⁶² не вернулись, и радость от входа в Москву быстро улетучивалась, сменяясь недовольством. У них, в отличие от полка Рооса, не было дров для костра, а по вечерам уже было холодно. Поклонная гора приобрела у Шееля ироничное название – Бедственная гора⁶³.

Пожар Москвы Шеель пережил в составе команды, которой было приказано вытащить из домов все, что они сочтут нужным, когда стало понятно, что пожар потушить невозможно. Шееля удивило обилие и богатство магазинов и товара в них. Он пишет, что впоследствии сумел объяснить это обилие тем, что в магазинах содержится в основном товар, который купцы возят большими партиями на ярмарки в деревню⁶⁴.

Из наблюдений мемуаристов о питании в России стоит упомянуть знакомство их с квасом. В сентябре полк Рооса проезжал через деревню, в которой совершенно невозможно продолжали жить крестьяне. Один из них дал просившим попить кавалеристам квасу (Роос никогда до этого не пробовал квас), за который получил серебряную монету и отблагодарил их поклоном. Что весьма удивило Рооса, так как такой способ изъявления благодарности ему еще не встречался⁶⁵. Шеелю довелось попробовать квас уже в плену, причем он сопровождает это воспоминание подробным описанием метода приготовления и хранения кваса⁶⁶.

* * *

Оказавшись в плену, многие солдаты испытывали почти животный страх перед казаками и успокаивались лишь тогда, когда с ними обращались по-человечески. По словам Рооса, когда в Борисове пленных подвели к большому костру, они запаниковали, уверенные, что их хотят сжечь⁶⁷.

Почти все взятые в плен служащие наполеоновской армии подвергались ограблениям с разной степенью жестокости. Линдеман описывает ограбление как аккуратное, почти любовное. Роос тоже спокойно отнес-

⁶² В переводе А.И. Попова – «каптернамусь» См.: *Попов А.И.* Из солдатских воспоминаний о русском походе 1812 года // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов. Саратов, 2006. С. 337.

⁶³ Здесь игра похожих слов «*der Berg des Heils*» («гора блага») и «*der Berg des Unheils*» («гора беды»). – *Schehl K.* Op. cit. S. 58.

⁶⁴ *Ibid.* S. 63–64.

⁶⁵ *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 153–154 (С. 67).

⁶⁶ *Schehl K.* Op. cit. S. 84–85.

⁶⁷ *Roos H.U.L.* Op. cit. S. 258 (С. 122).

ся к ограблению. Хаарс и Шеель же стали жертвами жестоких действий со стороны казаков. Шеель был раздет почти догола и оставлен замерзать в стороне от костра; ему чуть не отрубили палец, пытаясь снять кольцо. Хаарс же оказал сопротивление, за что получил несколько ударов пиками по голове; ему чуть не раздробили руку. Несмотря на это, у пленных находились и заступники. Хаарса спас казачий офицер, взяв его под свою защиту. Роосу по приказу офицера была возвращена часть вещей. Шееля же спасли его музыкальные способности – он сыграл казакам несколько мелодий на своей карманной флейте (*B-Klarinette*), после чего казаки немедленно посадили его к костру, дали ему теплые вещи и вообще стали обращаться с ним гораздо дружелюбнее.

Следующий этап испытаний – это конвоирование по холодным просторам. Особенно тяжелыми были эти переходы для солдат, которых брали в плен в местностях с малым количеством уцелевших деревьев и городков, что увеличивало продолжительность маршей. Во время этих конвоев многие солдаты, уже полумертвые от мучительного отступления, погибали, многие пытались бежать, за что их убивали конвоиры, почти всегда состоявшие из ополченцев – Хаарс называет их «дружинники». Примечательно, что, описывая жестокость «благочестивых защитников отечества» (*die fromme Vaterlandsverteidiger*), Шеель сравнивает ее с действиями диких индейских племен.⁶⁸ Из-за дезертирства и высокой смертности до квартир добиралась ничтожная часть пленников⁶⁹.

Ухудшало положение пленных еще и то, что отношение к ним местных жителей было достаточно враждебным. Крестьяне не делали различий между немцами, итальянцами и прочими национальностями: всех солдат наполеоновской армии они называли «французами». Несмотря на то, что они были без оружия, они все равно воспринимались как враги. Когда Шееля провозили через одну деревню, одна из местных баб подбежала к нему с дубиной и, прежде чем ее отогнали казаки, успела нанести ему удар по голове (от смерти его спасла карабинерская каска, которую ему позже пришлось выкинуть, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания) и сильно повредить руку⁷⁰.

Из-за подобной жестокости простого люда пленные солдаты искали спасения у русских офицеров, пресекавших подобные действия. От голодной смерти в Москве Шееля спас некий полковник Орловский, при-

⁶⁸ *Schehl K. Op. cit. S. 81.*

⁶⁹ Шеель пишет, что из 700 человек, начавших марш к Москве, до нее добралось 11. – *Ibid. S. 90.*

⁷⁰ *Schehl K. Op. cit. S. 83–84.*

бывший с инспекцией и сурово наказавший надсмотрщиков, из-за халатности которых умерли почти все пленные⁷¹.

Размышления немца о русском быте, культуре и истории занимают основной объем мемуаров капитана Линдемана. Он был взят в плен достаточно быстро – в августе во время сражения у Городечно его пленили казаки (он называл их «рейтарами»). При конвоировании он, как и многие другие, был ограблен. Поскольку он был офицером, его сразу отвели к командиру полковнику Ольдекопу⁷². Здесь он встретил добродушный прием, ему перевязали раны и предложили ему вступить в русско-немецкий легион. Линдеман отказался. После этого все его внимание занимала лишь мысль о своей судьбе.

В быту он обращал внимание на всяческие мелкие неудобства: скудное питание, плохие условия. Он также отмечает очень строгую охрану: даже ночью в дверях всегда стояли двое солдат⁷³.

В его воспоминаниях война практически сразу после пленения отступает на второй план, и даже типичным для той ситуации трудностям и бедам плена он уделяет не так много слов. Основной пласт его воспоминаний – некий краеведческий экскурс по тем местам, где он содержался. Он пытается дать историческое описание Киева, рассказать о повседневной жизни, о праздниках и традициях жителей города. Война лишь иногда напоминает ему о себе, когда через Киев проходят части Южной армии Торماسова (среди которых его внимание особенно привлекали казаки, башкиры и калмыки – двум последним он дал развернутое описание) или когда он пытается получить разрешение на выезд из России. О своих сослуживцах он не пишет почти ничего, его не интересуют результаты похода и войны в целом. К Наполеону он относится, видимо, равнодушно, что иллюстрируется эпизодом в гостях у польского помещика недалеко от местечка Полонное⁷⁴, который предлагает тост за императора Наполеона, от которого Линдеман и русский офицер воздержались⁷⁵.

Тем не менее он демонстрирует в своих размышлениях приверженность офицерской чести и благородству. Так, он с большим неодобрени-

⁷¹ Шеель описывает ужаснейшую картину плена, когда собранные в одном московском дворянском доме умиравшие солдаты не получали ни еды, ни медицинской помощи и умирали сотнями. Более того, когда Шеель, желая спастись из этого места, попросил русского адъютанта взять его и еще нескольких солдат на русскую службу, тот в довольно грубой форме ему отказал. – Ibid. S. 90–96.

⁷² Ольдекоп, Карл Федорович (1775/77–1831) – генерал российской армии, в 1812 году в чине полковника – дежурный генерал 3-й Обсервационной армии.

⁷³ *Lindeman F.L.* Op. cit. S. 13.

⁷⁴ К западу от Житомира, ныне – город.

⁷⁵ Ibid. S. 26–29.

ем отнесся к новости об измене саксонских войск Наполеону во время Лейпцигской битвы. В разговорах с другими офицерами, отмечает он, политические темы редко поднимались – офицеры опасались, что их могут подслушивать.

Линдеман также был очень благодарен императору Александру, когда узнал, что по его приказу пленным офицерам полагается компенсация в 10 дукатов за тяготы плена⁷⁶.

Многие детали быта русских понравились Линдемону, и, сравнивая их с немецким бытом, он признает, что немцы во многих вещах проигрывают России. Это касается, например, качества чая, который Линдеман считает даже лучше английского. Есть и обратные примеры. Вспоминая посещение русской гимназии, он заключал, что по качеству образования Россия тогда отставала от Германии, хотя, добавлял он, во время правления Николая I могла уже и нагнать ее⁷⁷.

В своих исторических описаниях Киева Линдеман допускает много вольностей и неточностей: основателем Киева считает славянского князя Кия, украинцев называет сарматами, имя Ярослава Мудрого пишет как Йоростов (*Jorostov*). Однако в целом его описание Киева 1812 г. несомненно заслуживает внимания как ценный и богатый сведениями источник.

Особенностью положения немецких военнопленных (и это выделяет их из всей массы находившихся в плену военнослужащих Великой армии) была возможность налаживать контакты с многочисленными немцами, жившими в России. Они испытывали большое облегчение и радость, когда рядом с местом их содержания обнаруживались немецкие семьи, общение с которыми позволяло пленным вновь прикоснуться к родной культуре. Например, Линдеман много времени проводил в немецкой семье Франков, которые помогали ему и материально. Шеель, уже живя в имении Понговских, познакомился с семьей барона фон Мантейфеля, к которой временно переехал, перед тем как отправиться домой. Хаарс в плену старался держаться рядом с двумя русскими инженерными офицерами – немцами по происхождению. По их же совету и поступил на русскую службу, за что его сильно невзлюбили французские и итальянские пленные⁷⁸.

Среди особенностей русского менталитета мемуаристы отмечали необычную, с их точки зрения, набожность русского человека. Линдеман пишет, что мимо церквей в Киеве не мог пройти ни один солдат или

⁷⁶ *Lindeman F.L.* Op. cit. S. 17–18.

⁷⁷ *Ibid.* S. 40.

⁷⁸ *Haars J.G.* Op. cit. S. 48.

горожанин, не преклонив колена, не сняв головной убор и не перекрестившись⁷⁹. Шеель описывает прием гостей в крестьянской избе почти как ритуал, обязательной частью которого было три раза перекреститься «по-гречески» и произнести лицом к «раке» (*ein Heiligenschrein*)⁸⁰ молитву, во время которой молящийся постоянно повторяет «Господи, помилуй», падает на колени и касается лбом пола⁸¹.

Скромность крестьянского быта внезапно импонирует Шеелю: сравнивая ее с немецким благоустройством, он иронично замечает, что немецкие семейные пары умудряются потратить на обустройство своей квартиры огромное количество денег, в то время как русские крестьяне в 1812 году умудрялись существовать гораздо скромнее⁸².

Многочисленные бытовые наблюдения мемуаристов говорят о неподдельном интересе, который вызывала чужая культура как у них самих, так и у их читателей. Эти наблюдения лишены оценочных суждений через призму стереотипов и напоминают скорее репортаж, в котором авторы просто излагают факты, оставляя выводы на усмотрение читающих. При всей стереотипности той картины, которая сложилась у Шееля о России и русских, он описывает период своей службы у Понговских без налета прежних мрачных настроений, а кое-где – даже с юмором.

После окончания войны все военнопленные солдаты и офицеры Великой армии постепенно возвращались на свою родину. Шеель с помощью семьи Мантейфелей и своих родственников в Германии в 1814 г. покинул Россию, отплыв из Риги, а затем, проделав путь через всю Германию, вернулся в Крефельд. Роос, продолжив работу в качестве военного врача, после войны остался жить в Петербурге, где и выпустил в 1832 г. свои мемуары. Капитан Линдеман в 1814 г. получил разрешение на выезд из России и в начале 1815 г. вернулся домой. Хаарс, находясь в плену, оказался на работах в Дюнебурге⁸³, где был нанят на службу в качестве надсмотрщика на строительных работах. Несколько лет он пытался получить разрешение на выезд из России, и в конце концов ему улыбнулась удача. В 1817 г. он вернулся в Брауншвейг, где впоследствии стал пастором.

Как мы видели, образ России и русских в воспоминаниях немецких военнослужащих далеко неоднозначен. Несмотря на то что в ходе долгого пребывания в России их взгляды на нее претерпели определенные

⁷⁹ *Lindeman F.L.* Op. cit. S. 58.

⁸⁰ Очевидно, под этим Шеель подразумевал красный угол в избе.

⁸¹ *Schehl K.* Op. cit. S. 87.

⁸² *Ibid.* S. 88.

⁸³ Даугавпилс.

изменения, в их памяти она все равно сохранила черты полудикой варварской страны. Действия русских войск и гражданских в ходе этой войны вызывали у немцев непонимание и удивление, граничившее с шоком. Не в силах объяснить это никакими иными способами, они создавали в своих головах картину безжалостных и фанатичных русских солдат и крестьян, воевавших не по «цивилизованным европейским правилам». Вместе с этим наши авторы отмечали и положительные стороны русской жизни: хорошую еду, богатые и хорошо обустроенные хозяйства, задорный и веселый нрав русского человека и т.п. Все эти впечатления смешивались в мемуарах в весьма неоднородную картину, где наряду с проявлениями дикости русских людей отмечались и их безусловные преимущества перед другими народами.

Привлечение еще более широкого круга источников для дальнейших исследований, уверен, позволит существенно обогатить красками образ России, представленный в мемуарах немецких ветеранов Великой армии.